

Р2-кр.
М-69-46

Евгений
МИХАЙЛОВ

Невидимые нити

Стихотворения

Август

*Поэт плохой хранитель правды –
она всегда в его стихах.*

Борис Капустин

P2 КР
m-69 - ЦБ

КАТУНЬ

**Евгений
МИХАЙЛОВ**

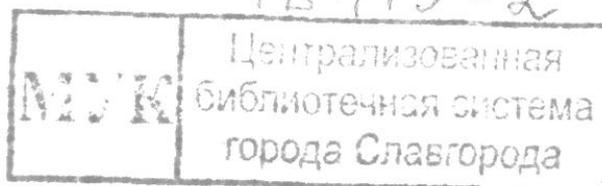
Невидимые НИТИ

Стихотворения

Барнаул – 2009 г.

**Литературно-
просветительский
фонд «Август»**
(основан в 1992 г.).

Генеральные партнёры издания:
администрация г. Славгорода – глава **А. Г. Кропов**,
фирма «Автоплюс» – директор **Я. Я. Гринемаер**.

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5
М-69

***Издание посвящается
светлой памяти поэта
Евгения Леонидовича Михайлова***

Главный редактор –
В. Е. Тихонов

**Редакционная
коллегия:**

художественный редактор –
А. А. Карпов,
выпускающий редактор –
А. Пак,
редактор-рецензент –
С. Е. Ключников,
ответственный редактор –
О. В. Тихонова.

Е. Л. Михайлов: «Невидимые нити»,
стихотворения. Барнаул, ЛПФ «Август»,
книжная серия «Катунь», № 42, 2009 г., 1000 экз., 64 стр.

ISBN 978-5-88449-206-6

© Е. Л. Михайлов
© ЛПФ «Август».

ДОЛГОЕ ДЫХАНИЕ

В творчестве Евгения Михайлова есть всё: образное мышление и яркая метафоричность, почти всегда точная рифма и самобытно долгое дыхание, перетекающее из строки в строку... Если бы он не был моим современником, если бы мы с ним не дружили в течение нескольких лет, то я легко поверил бы, что он из плеяды поэтов Серебряного века.

Его стихотворения воздушны, ясны, наполнены особым поэтическим обаянием даже тогда, когда пишет он, казалось бы, о земных событиях, о житейских перипетиях, о бытовых проблемах, о человеческих страстях... Обострённое чувство слова, с редким сочетанием вкуса и слуха, – это и есть его дар, которым он владел в совершенстве. Хотя тут и невозможно определить – что это: своеобразное наитие, некий одухотворённый инстинкт?..

У него был дар свободно – естественно – владеть словами, преобразовывая их в высокую речь. Вот почему у его читателей создаётся впечатление простоты стихотворений – смысловой, сюжетной... При этом их образность, частный и общий контексты то уносят в глубины мироздания, то возносят в высоты мироощущения... Вроде бы всё на виду – ясно и понятно, но недо-

сказанность и неуловимость завораживают, убеждают, а отрицание вдруг перевоплощается в утверждение, трагичность переходит в грусть и печаль (не в тоску!):

Снова смертью становится жизнь.

В немоту превращается речь, но,

Уходя навсегда, задержись

На минуту, а может, навечно.

Евгений Михайлов заслуживает того, чтобы о нём помнили – читали и перечитывали его стихи, писали о его творчестве, потому что он – поэт от Бога, а то, что жил и творил в Славгороде, – это просто география его судьбы.

Тонкий и проникновенный лирик, воспринимавший мир неоднозначно, болезненно и лично, он был весьма непритязателен в быту, но очень требователен к Слову. Его стихи пронизаны щемящей болью, природной грустью, музыкой Шопена... Откуда у него такое трагическое восприятие?.. Почти все его стихи написаны минорно. В них заложена неведомая сила, притягивающая и завораживающая читателей. Но не жалость они вызывают, а настраивают на понимание, сострадание.

Поэзия Евгения Михайлова подобна тихим всплескам реки, скрывающей таинственную глубину, зовущей в вольное плавание по маршрутам поэтической души, высказывающей сокровенную боль и вселенскую грусть.

***Александр ПАК,
член Союза писателей России.***

ТРИПТИХ

1.

Да, я знаю, что это плохо.
Да, я знаю, что так нельзя.
Но меня обжигает эпоха,
Указательным пальцем грозя.

19 октября 1994 г.

2.

Добро ли, зло ли выбирая,
Надеясь – всё пойдёт на лад,
Мы поднимаемся до рая
И падаем обратно в ад.

Июнь 1995 г.

3.

Всё чаще беру что не надо,
Всё реже жалею о том.
И рай отзывается адом,
И явь откликается сном.

Август 1995 г.

Останутся невидимые нити,
Разорванные звенья тьмы и света,
Связующие в цепи тех событий,
Когда в сентябрь уходило лето.
Уже давно отобраны все взятки,
А стрелка времени застыла на уходе.
И ощущаешь – что-то не в порядке,
Не понимая, что же происходит.
В сознании сужается пространство
До величин почти предельно малых.
И жизнь сама с завидным постоянством
Заносит уходящее в анналы.

Сентябрь 1995 г.

Подумалось (с чего?) о Коктебеле.
Вот в этом ветре, грустно шелестящем,
Минувшее осталось колыбелью,
Незамутнённой смутным настоящим.
Быть может, мы и жили на два бала
И твёрдое порой казалось зыбким.
Мы часто, слишком часто ошибались,
Но были искренни в своих ошибках.

11 сентября 1995 г.

Был понедельник... Грязный снег..
И радио надрывно пело
О расстающихся навек.
Тот вечер на страстной неделе
Застывшей глыбой нависал
Над временем, внизу распятым.
А февраля слепой десант
В апрель снежинками, как ватой,
Спускался. Кто-то в дверь звонил.
И пьяный дворник с улиц мусор
Сметал, как жизнь сметает дни ~
И деловито, и со вкусом.
Сон иноком смиренным шёл,
Луна всходила тайным знаком.
Казалось, что всё хорошо,
И не мечталось об инаком.

Апрель 1996 г.

Странно – осень давно, а я только сегодня заметил
Расплескавшийся всюду всегда ностальгический цвет.
Никогда я не верил насквозь суеверным приметам,
Но в трамвае кондуктор даёт мне счастливый билет.
Скомкан вечер прогорклый, дымящий печами окраин
И горящими листьями, залитый мёртвым огнём
Фонарей одноглазых, а там, над разбитым сараем, –
Разноцветные точки и пахнет уже октябрём.
Доберёшься до центра, оттуда домой автостопом.
И увидишь, как в небе за вновь непролитым дождём
Над израненным садом Венеры сгорает Акрополь.
Мы сейчас не умрём. Мы ещё поживём. Подождём.

Сентябрь 1996 г.

Внезапно в кухню ввалится зима,
Дыша вокруг морозами и луком.
И дворники совсем сведут с ума
Ритмичным по кварталу перестуком
Под окнами в безумно ранний час.
Слепой ноябрь бродит в коридоре,
Кряхтением своим тревожа нас.
И утро начинается в миноре,
Вползающем в обрывочные сны
Всегда неожиданным холодом осенним,
Разлитым безнадежно до весны
В субботу, то есть в ночь на воскресенье.

Октябрь 1996 г.

Дело плавно движется к апрелю,
Но зима вдруг поднимает путч,
Сыпля снегом. Не куёт, не мелет
Жизнь с утра. Нависшей массой туч,
Как сомненьем, будет день отравлен
И, конечно, белой ниткой сшит.
Я с постели встану и поправлю
Слишком сложный синтаксис души.

Март 1997 г.

Давно уж залпом выпит день,
Исчерпаны все его соки.
Звезда, взошедшая на западе,
Такая же, как на востоке.
Всё в серых отсыревших сумерках
И лишено дневного глянца.
И больше нам не слышно Шуберта –
Великолепнейшего Франца.

9 апреля 1997 г.

День покрыт, как Помпеи, пеплом.
Этот город – мой Третий Рим.
Как бельё ветер, время треплет
Жизнь. Не может бравады грим
На душе скрыть следы некроза.
Два бокала пустых на столе
И увядшие твои розы
В слишком праздничном хрустале.

12 апреля 1997 г.

Нет, ты оставь расстроенный рояль.
На нём ты не сыграешь Паганини
В переложеньи Листа. Кофе стынет.
Январь уходит медленно в февраль.
Пройдём до остановки напрямик,
Доедем на трамвае до Потока.
Нет, ты меня не тронешь поволокой
Кофейных глаз, я – полупроводник.

10 мая 1997 г.

*

Дверь входная проскрипит мне: «До свиданья».
Тяжело вздохнув, окно помашет шторой.
Нами созданный когда-то светлый город
Затонул. Непонимания пираньи
Разорвут его остатки. Разных рангов
Капитаны мы. Нам быть на море, ставшем
Вечной сушей. Ты теперь совсем не ангел,
Ну а если ангел – только падший.

15 мая 1997 г.

Эти дни, от дождей продрогшие,
Изливают печаль небес.
Ты в коротком платье, промокшая,
Выплываешь как до диез.
Ты летишь на маленьком шарике
Беззаботно, совсем легко.
У тебя в руках томик старенький,
На обложке: Н. С. Лесков.
Ты сжимаешь озябшими пальцами
Неживой букет тишины.
И осеннего танца миг
Застывает в мирах иных.

Август 1997 г.

Ну что мне сладкий вкус весны –
Несбыточных надежд наркотик.
В том доме, что как раз напротив,
Уже досматривают сны.
Вот чей-то тонкий силуэт
Мелькнул в окне. Антенна птицей
Взмахнула крыльями. Не спится.
Бессонницы апологет,
Проходит зябнувший прохожий,
Закутавшийся в чёрный плед
Тьмы. Это ли не бред?
Так всякий раз одно и то же.

Октябрь 1997 г.

Ты думаешь, что всё навек,
Но долго это не продлится.
И ты сойдёшь, как первый снег,
В прихожей скрипнет половица.
Мы встретимся сто лет спустя,
Ну двадцать... Десять... Тоже что-то.
Да, у кого-нибудь в гостях,
В четверг, а может быть, в субботу.
Или увидимся, когда
Пройдёт каких-нибудь полгода.
Умрёт последняя вода,
И будет ветреной погода.

Май 1998 г.

День прошёл без событий.
А как тонко был свит
Невесомостью нитей,
Паутиной любви.
Он, по-зимнему краток,
Пробежал без следа.
Всё вернётся когда-то...
Никогда.

Август 1998 г.

Ветер тебя проводит
Неугомонным плачем.
В скверную эту погоду
Тучи как всадники скачут.
Скрипка и пианино,
Что-то ещё другое.
То, что снимал Феллини,
То, что писал де Гойя.

Сентябрь 1998 г.

Качелей скрипящих надрыв в летнем парке
Играет на нервах, и падает лист.
А жизнь уж не кажется первым подарком,
И ветер-художник – абстракционист –
Ломает деревья, как кости, с тем хрустом,
Который не выразить. Хочешь ли, нет,
Но есть в этом что-то, какое-то чувство.
И нитью сомнений я снова продет
В иглу проникающих в разум соблазнов,
Троtilом взрывающих мир изнутри.
И всё так уныло, однообразно,
И на часах без пятнадцати три.

Октябрь 1998 г.

Вечер был полусладким,
С мутным привкусом чувств
И кошачьей повадкой,
Без любви и искусств.
Чтобы не было хуже,
Лучше лечь раньше спать.
Всё чем дальше, тем уже.
Всё опять двадцать пять.

Март 1999 г.

Весна приходит, будто к власти Бонапарт,
Бессонной свежестью наполнив воздух спален.
И сочный сумрак не скрывает плешь проталин
Почти до полвосьмого. Вздорный март
Всё перепутает, волнуясь и спеша.
По-детски трогательно от обиды всхлипнет
Всегда в миноре пребывающая скрипка.
И на бумагу вновь запросится душа.

Март 1999 г.

Опять сквозные ветры в декабре,
Но веет сыростью, как в середине марта.
Пока совсем не верится в апрель –
Нам до него почти как до Монмартра.
Искусственный давно потерял рай,
Казавшийся ещё недавно вечным.
Но всё же никогда не повторяй
Слова, кому-то данные раз. Вечер
Весенним вкусом красного вина,
Дурманящими запахами кофе
Пробудит что-то давнее, и профиль
Почудится знакомый у окна.

Апрель 1999 г.

Небо сегодня жжёт
Тысячами огней.
Ты не считай, дружок,
Наших прощальных дней.
Ты не считай ещё
Прошлых обид и бед:
Очередной просчёт,
Очередное «нет».
Месяц плывёт пятном,
Будто всё ближе к нам.
Небо опять вверх дном.
Или совсем без дна.

Июнь 1999 г.

Не увидимся никогда.
А быть может, недели две.
Всё опять между «нет» и «да»,
Всё как прежде – то тьма, то свет.
Остеклившимся небом дня
Ты пройдёшь между двух ночей.
Мы расстанемся раньше, чем
Распадёмся на «ты» и «я».

Июль 1999 г.

Я снова прохожу по переулкам
Ночных кварталов, паутиной снов
Опутанных. Недопечённой булкой
Лежит луна. Снег выпал на Покров.
Знакомый город. Мутная погода.
Людьми в час пик беременно метро,
Где старая уборщица у входа
Гремит эмалированным ведром.
И кажется сейчас, что будет вечно
С самим собой вселенская вражда,
Когда в тоске вялотекущий вечер
Блуждает коридорами дождя.
Всё дышит одиночеством, и тема
Минорная звучит. Зима,
Крестьянин. Радость бессистемна.
Мир заквадрачен. В идеале – тьма.
В квартире оставляешь только запах,
Не веря в возвращенье и уход.
Деревья задевают здесь за запад,
Верхушками терзая небосвод.
Невеста, словно ангел вознесенья,
Вся в белом, ни жива и ни мертва,
У загса. Что ж, суббота вновь права,
И веришь, как ребёнок, в воскресенье.

Сентябрь 1999 г.

Сегодня не будет дождя, хоть такая гроза
На западе мира. Надтреснутых туч пустоцвет
Прострелами огненных линий сойдёт. Что сказать
Когда омертвели слова, но молчания нет?
Хоть стрелки к нулю, почему-то не хочется спать,
Как будто ещё что-то может случиться, пока
Наполнено всё ожиданием. Ложишься в кровать,
Не веря в хромые на обе ноги облака.
И утром вставать надо рано мне завтра. Ну что ж,
Вчерашний прогноз вновь неверен и нечего ждать.
Хоть воздух так влажен и в небе какая-то дрожь,
Я знаю уже, что сегодня не будет дождя.

Декабрь 1999 г.

Не будем с тобой переписываться,
Созваниваться иногда.
Написанное всё – бессмыслица,
И голос чужой в проводах.
Весь месяц был опрокинутый
В извечно бессонных домах.
Назад снова жизнь передвинута
На час. Значит, скоро зима.

Декабрь 1999 г.

Сегодня жара, как в Мадриде.
С утра зной втекает в дома.
Когда-то я всё это видел,
Вот так же сходя здесь с ума.
Больное засохшее небо
На точке кипения дня.
За пивом идут, как за хлебом,
В пожарных приливах огня.
Всё будет у нас в лучшем виде.
Но, видимо, лишь в сентябре.
Сегодня жара, как в Мадриде,
А, может быть, как в Анкаре.

Февраль 2000 г.

Кажется, зима пришла навечно
Век назад. Протиснувшись в трамвай,
Я опять проеду до конечной...
Эй, водитель, двери открывай!
Выходные промелькнут мгновенно
В мутно расплескавшихся домах,
Где во всех подъездах свет неверный –
Полусвет, а может, полутьма.
Что-то знаю, что-то было, вспомни:
Разноцветье, май, пожарный зной.
Память – чёрный кот во мраке комнат.
Или кошка. Скоро март – связной
Межсезонный. Достая отмычку
От души. Наверх пять этажей.
Открываю, видно, по привычке,
Хоть совсем не надо бы уже.

Февраль 2000 г.

Давай до дна. Всё будет хорошо.
А если и не так, то будь что будет.
Да что там говорить – свои ведь люди.
Налей ещё, теперь на посошок.
В вонючем лифте вниз семь этажей,
И у подъезда пёс облает вздорный.
Иначе всё могло быть, но уже
Не выйдет. С понедельника на вторник
Внезапно перейдёт ночь. Небо жжёт
Сегодня снова золотой брусникой.
Ночной стрелой манит кафе «Пилот»,
И девочку зовут победно – Вика.
Но в ветхий рай уже вступает ад
С промокших тротуаров узких улиц.
Один влетаешь в дом, как в мёртвый сад,
Живым листом в пятиэтажный улей.
Ложисься спать уже около двух
На век свой доживающем диване.
И всё здесь – лишь жужжание тех мух,
Что мечутся закрытые в стакане.

Февраль 2000 г.

Шёл сильный снег, когда мы шли из рая,
Ничто надежду не могло вернуть.
Одна звезда, над нами догорая,
Сквозь пелену указывала путь.
Во тьме хрипело время, мир был страшен,
Качавшийся над бездною тоски.
По капле вытекала ночь из чаши,
Распавшейся под утро на куски.
Никто не видел снов, смыкая веки,
Не помнил закрывающихся врат.
И ныне, присно и веков вовеки
Мы ищем путь, ведущий нас назад.

Март 2000 г.

Лимонный сентябрь. Слабый привкус тоски.
Всегда на углу это серое зданье.
Уютный твой дом – одиночества скит.
Нет, знание – тяжесть, а лёгкость – незнание.
Уже полвосьмого. На небо луна,
Похожая до неприличья на солнце,
Влезает, как вор, по трубе. Не до сна.
И свет синей лампы тяжёлый, как стронций.
Ты слышишь, как музыка облачных сфер
Звучит безнадёжно, то громче, то тише.
Немыслимо, кто её, Господи, пишет
Божественно, если не сам Люцифер.

Август 2000 г.

Сквозного августа среда,
Едва тянувшаяся нудно,
Вдруг оборвалась. Вечный дар
Потерян. Всё сиюминутно.
А из соседнего окна
Самоубийцей отблеск счастья,
Сорвавшись, выпал. Тишина
Уже рассыпалась на части.
Здесь всё как никогда всерьёз
В дождливость проклятого года:
Цветенье бесполезных роз
И ветреная вновь погода,
Такая же, как и вчера.
И жизнь без запаха и вкуса,
Когда притуплены все чувства.
Две чашки кофе до утра.

Октябрь 2000 г.

Нехотя выходит из проулка
Вечно депрессивная заря.
В ящике почтовом два окурка.
Мне не пишут, проще говоря.

Октябрь 2000 г.

Сажу, поёживаясь, в кресле.
Глотаю, обжигаясь, чай.
А у соседей слева – песни,
А справа – смутная печаль.
Но всё кончается в начале,
Как будто продолженья нет.
Ни радости нет, ни печали,
Ни поражений, ни побед.

Октябрь 2000 г.

С утра не получалось жить,
А к вечеру уже хотелось.
Хоть не пилось ещё, не пелось.
Но всё же ощущалось – жив.
Нам истину искать зачем
В вине, когда у нас есть водка.
Какая плавная походка
У этой девушки ничьей.
Весенняя пора опять
Спускается капелью с крыши.
Я не хочу всё это слышать.
Я не хочу всё это знать.

Февраль 2001 г.

Свинцовость тоски в пустоте коридора,
Тускнеющий свет, обретающий звон.
Уже где-то рядом шаги командора,
Но ты не услышишь, как тяжек твой сон.
Откроется тайна и всё повторится,
Когда здесь появится вновь Дон Гуан.
Зловеще мелькнёт тень отпущенной птицы,
Летающей легко в загустевший туман.

Декабрь 2001 г.

Зима отравлена тоской
И чистящим отмыта средством,
Но пахнет кофе и треской
И мандаринами, как детством.
В мигающей гирлянде ночь
Роняет хвойные иголки,
А мандельштамовские волки
Из леса убегают прочь.
Тут есть немного колдовства.
Мы все волхвы, писал Иосиф.
И этот вечер свет приносит
Звезды святого Рождества.

Декабрь 2001 г.

В гирляндах улиц бесконечных,
В манящей яркости витрин,
Казалось, заплутав навечно,
Мы на трамвае номер три
Доедем до четырёхэтажки,
Где по ночам не гаснет свет,
Хотя б в одном окне, где бражки
Нальют по кружке, где наш бред
Хозяевам не будет в тягость –
Они такие же, как мы.
И тихая земная радость
Достигнет сумерек зимы.

1 февраля 2002 г.

Пустые переулки. Тротуары
В кашице снега с грязью. Мы скользим
По площади Советов, словно пары,
Кружащиеся по катку. Экстрим.
А на часах уже почти двенадцать
И дома у тебя индийский чай.
Но предстоит ещё нам покататься
Среди ночных кварталов Ильича.
И кажется, что ничего не надо,
И верится, что так и будет впредь
Беззвучно жёлтый снег на землю падать,
Такой, как золото, скорее, медь.

Февраль 2002 г.

Знаешь, время течёт через край.
Жизнь просрочена даже без смерти.
Но приходит открытка в конверте,
Словно есть в продолжении рай.
Словно мы потерялись внутри
Навсегда опустевшего сада,
Наблюдая, когда догорит
Неживое созвездие ада.
Мы растили с тобой пустоцвет,
Не дававший плодов для бессмертья.
И без марок пустые конверты
Никому не приносят ответ.

Сентябрь 2001 г., февраль 2002 г.

Весна играет в песочнице
Под старым грибком. Ей что ж.
А небу на землю хочется.
Апрель на октябрь похож.
Всё знающий волхв волочится
Устало по чёрным снам.
Ни имени и ни отчества
Не помню, но он – я сам.

Апрель 2002 г.

Ты знаешь, небо стало ближе
На тысячу последних лет.
А звёздный пёс сегодня лижет
Ещё несбывшийся рассвет.
Наш путь от Альфы до Омеги
По лужам плавающих лун.
Но он теперь усыпан снегом,
Укутан в ледяную мглу.
Ты мне расскажешь о погоде,
Ещё банальней дребедень.
И одиночеством свободы
Нас встретит равнодушный день.

Апрель-май 2002 г.

На столике твоём маркиз де Сад
Как прошлое забытое открыт.
Давай пройдем по старым адресам,
Пусть снова всё случается навзрыд.
Покажется, что нам ещё вернут
Былые ностальгические дни.
Но книга уж дочитана, и тут
Мы всё же неприкаянно одни.
Похоже, здесь не годен тот маршрут.

Апрель-май 2002 г.

Как идёт, каблучками стуча!
Ножку ставит, как, может, никто!
Отчего же такая печаль?
Отчего всё сегодня не то?
Обещание нег на губах,
Кроткий взгляд из-под длинных ресниц.
Только день превращается в прах,
Только тьма с неба падает ниц.
Осторожный в безвременье шаг,
В ночь – хранилище гулких пустот.
Посмотри, как она хороша,
Как она, удаляясь, идёт!..

25 июня 2002 г.

Нет одиночества как смерти, лишь безлюдье.
Отсутствие движения – не смерть.
Мы просто здесь останемся в остуде
Ко многому, чему названье твердь,
Не веря в воплощение надежды,
Как и во всё недостижимое, в пустой
Квартире, как и прежде, между
Любовью и безмолвной пустотой.
Ты не ищи меня. Всё быстротечно
В уже осевших сумерках хромых.
Отсутствующе жизнь идёт в навечно
Остекленевших улицах зимы.

Июль 2002 г.

Ночь ещё не обгоняет день.
Я иду в морщинистую липкость,
Где из фортки истерическая скрипка
Заревела бы навзрыд, да лень,
Всхлипнула. И запах корвалола
В воздухе сыром. При чём тут он?
Я, наверное, к тебе приколот
Нежности булавкой. Ты ещё
Хуже и надёжней – прямо в сердце.
Я иду, закутавшись плащом,
Из окна всё тише слышно скерцо.

20 октября 2002 г.

Небо сегодня преступно зловещее,
Вечер глухой, как предвестие бед.
Видимо, сны были всё-таки вещими.
Мы ещё есть – продолжения нет.
Здесь ничего больше в нас не закончится,
Ведь и начаться уже не успеть.
Ночь вновь стучится в дом дряхлой пророчицей,
Золото чувств превращается в медь.
Но ты не бойся ни тьмы, ни бессонницы,
Знаешь, в столице всё так, как в глуши.
Тучи по небу проносятся конницей,
Кто-то домой сквозь туманность спешит...

1 декабря 2002 г.

Помню в твоей квартире стойкий,
Тобой любимый запах кофе.
И за окном всё та же стройка,
И в голове всё те же строфы.
День жёлтой краской был забрызган,
А вечер был чернее чёрта.
Я помню – дверь входная, взвизгнув,
Открылась. Остальное стёрто.

Сентябрь 2003 г.

Не привыкнем жить вместе,
Не отвыкнем быть врозь.
Если что не сбылось –
Уж не выйдет, хоть тресни.
Не стучи в мою дверь,
А звонок давно сломан.
Да и нет меня дома
И не будет теперь.
В ящик бросив ключи,
Не поймёшь своей роли.
Только, знаешь, для боли
У меня нет причин.
Мы с тобой жили здесь
Лишь мгновенье, не больше.
Не придётся нам дольше –
Время замерло в шесть.

Октябрь 2003 г.

Опять мы возвращаемся сюда,
Где начиналось всё, и без сомнений
Качались над балконом чьи-то тени,
И водопадом с неба шла вода.
И снова вторник или воскресенье,
А может быть, ревнивая среда...
Для нас с тобой здесь всё и навсегда,
И снова смерти нет, и есть спасенье.

5 декабря 2003 г.

С перепою жизнь кажется смертью.
Ведь писал же... Да как его?.. Чёрт!..
Нет, не надо, а то ещё черти
Примерещатся. Воздух здесь спёрт.
Вспомнил... Кажется, был там покойник...
Нет, не так всё... Живой там был труп.
Утро входит в окно непристойно,
Лезет в фортку дымище из труб.
Настоящего нет и не будет,
Если только... Нет, мне не пойдёт...
Не сегодня... На кухне посуда
Вся немытая. Нет, жизнь не мёд.
Стрелки словно застыли. Второго
Половина всего лишь.
Держись!..
Так проходит день, два, три, и снова
Моя смерть превращается в жизнь.

26 декабря 2003 г.

Полоска света между штор
В ночи отчаянья и стужи.
Наверное, бывает хуже,
Бывает вовсе соль минор.
И сон мне не идёт опять,
Мне кажется любой час адом.
Совсем уж дышит ночь на ладан,
Хоть на часах всего лишь пять.
Совсем не спится на заре
И видится: за тайным краем
Открыт небесный Назарет,
Где ад не переломит рая.

Январь 2004 г.

О как безумствует рояль
На чёрно-белом поле клавиш!
Опять надрыв, потом – печаль...
Ну помолчи!.. Когда ж оставишь
Свой бесконечный нотный лист,
А в нём шопеновские звуки,
И нежности пустые муки,
И вечер, что тосклив и мглист?
Поток воды течёт с небес.
Душа течёт куда-то тоже.
О, замолчи, довольно дрожи –
И ангел в музыке, и бес!

9 января 2004 г.

Февраль, а кажется: весна
Приходит – вздорная задира.
Когда сидишь в своей квартире,
Пьёшь чай и смотришь из окна.
И неприкаянная кухня
Перестаёт зимой болеть,
А жизнь как будто бы на треть
Лишь выпита, но снова тухнет
В руке опущенной твоей
В помаде сигарета... Дымом
Пусть проносящееся мимо
Затянется, и поскорей.

Февраль 2004 г.

Когда всё пройдёт, то останется пена,
А жизни не хватит уже и на треть,
И это не то, чтоб совсем умереть,
И это не то, что совсем нас изменит.
Ведь здесь нам всегда одинаково сложно
Уйти и остаться на тысячу лет...
И если опять помолчать невозможно,
То я скажу «да», только скажется «нет».

28-29 февраля 2004 г.

ОТОГРЕВАЯ ДЫХАНИЕМ

С Евгением Михайловым у меня было всего две встречи. С периодом чуть ли не в десять лет. А третьей встречи уже не будет... Он жил в Славгороде. В Барнауле появлялся редко. Я же в Славгороде побывал только после его смерти.

...Умер Женя рано. Настоящие стихи всегда возвращаются, всегда сбываются. А у него так много стихов о смерти... И по-настоящему задыхаться стихами в маленьком городе – смертельное занятие...

В этой книге всего 54 стихотворения. Наверное, мало. И всё-таки – много. Ибо в этих коротеньких виршах – вся судьба поэта. Другой уже не будет. Другой уже не написать. А в этой, прожитой и поэтически созданной, – горькое признание:

*...Мы поднимаемся до рая
И падаем обратно в ад.*

Всё между взлётом и падением. Между адом и раем. Иного не дано. И никакое это не уныние. Не стремление к суициду, не воспевание его. А просто констатация факта. Так было, так есть...

Под луною ничто не вечно и никто не вечен. Но грешная земля жива не только грехами. Все испытания на излом души и тела – здесь, на земле. На небе испытывать себя поздно...

На земле все живут ровно с песню. Даже если не умеют петь. Но если умеют, и песня своим нервным и дерзким звучанием волнует и тревожит, – да простятся поющим угрюмство и неустроенность души. Впрочем, за что, собственно, прощать? Всё давно прощено песненным ладом. Прощено и оправдано.

***Сергей КЛЮШНИКОВ,
член Союза писателей России.***

СОДЕРЖАНИЕ

Александр ПАК. Долгое дыхание.	
<i>Предисловие</i>	5
Триптих	7
«Останутся невидимые нити...»	8
«Подумалось (с чего?) о Коктебеле...»	9
«Был понедельник... Грязный снег...»	10
«Странно – осень давно, а я только сегодня заметил...»	11
«Внезапно в кухню ввалится зима...»	12
«Дело плавно движется к апрелю...»	13
«Давно уж залпом выпит день...»	14
«День покрыт, как Помпеи, пеплом...»	15
«Нет, ты оставь расстроенный рояль...»	16
«Дверь входная проскрипит мне: «До свиданья»...»	17
«Эти дни, от дождей промокшие...»	18
«Ну что мне сладкий вкус весны...»	19
«Ты думаешь, что всё навек...»	20
«День прошёл без событий...»	21
«Ветер тебя проводит...»	22
«Качелей скрипящих надрыв в летнем парке...»	23
«Вечер был полусладким...»	24
«Весна приходит, будто к власти Бонапарт...»	25
«Опять сквозные ветры в декабре...»	26
«Небо сегодня жжёт...»	27
«Не увидимся никогда...»	28
«Я снова прохожу по переулкам...»	29
«Сегодня не будет дождя, хоть такая гроза...»	30
«Не будем с тобой переписываться...»	31
«Сегодня жара, как в Мадриде...»	32
«Кажется, зима пришла навечно...»	33
«Давай до дна. Всё будет хорошо...»	34
«Шёл сильный снег, когда мы шли из рая...»	35

«Лимонный сентябрь. Слабый привкус тоски...»	36
«Сквозного августа среда...»	37
«Нехотя выходит из проулка...»	38
«Сижу, поёживаясь, в кресле...»	39
«С утра не получалось жить...»	40
«Свинцовость тоски в пустоте коридора...»	41
«Зима отравлена тоской...»	42
«В гирляндах улиц бесконечных...»	43
«Пустые переулки. Тротуары...»	44
«Знаешь, время течёт через край...»	45
«Весна играет в песочнице...»	46
«Ты знаешь, небо стало ближе...»	47
«На столике твоём маркиз де Сад...»	48
«Как идёт, каблучками стуча!..»	49
«Нет одиночества как смерти, лишь безлюдье...»	50
«Ночь ещё не обгоняет день...»	51
«Небо сегодня преступно злое...»	52
«Помню в твоей квартире стойкий...»	53
«Не привыкнем жить вместе...»	54
«Опять мы возвращаемся сюда...»	55
«С перепоя жизнь кажется смертью...»	56
«Полоска света между штор...»	57
«О как безумствует рояль...»	58
«Февраль, а кажется: весна...»	59
«Когда всё пройдёт, то останется пена...»	60
Сергей КЛЮШНИКОВ. Отогревая дыханием.	
<i>Послесловие</i>	61

Литературно-художественное издание

Евгений Леонидович

МИХАЙЛОВ

Невидимые нити

Стихотворения

Редактор-составитель – В. Е. Тихонов.

Набор, корректура – О. В. Тихонова.

Вёрстка, оформление – А. А. Карпов.

Сдано в печать 04. 06. 2009 г.

Формат – 60x84 1/16.

Объём – 3,72 усл. п. л.

Бумага офсетная, обложка – «лён».

Тираж – 1000 экз.

Заказ 3399.

Типография ОАО «ИПП «Алтай»:

656049, г. Барнаул, ул. Короленко, 105.

Евгений Леонидович МИХАЙЛОВ (2.06.1969-3.05.2004) родился в городе Петрозаводске Карельской АССР. В 1986 году окончил среднюю школу № 15 в городе Славгороде Алтайского края.

1987-1989 годы - служба в армии (Западная группа войск в Германии). 2000-2003 годы - учёба на факультете журналистики Алтайского государственного университета. 1997-2004 годы - работа корреспондентом газеты «Славгородские вести».

Его стихотворения и статьи публиковались в местной периодике и коллективных сборниках. Он автор книги стихотворений «Синтаксис души» (г. Славгород, 2005 г., редактор-составитель и автор предисловия - поэт и художник Александр Пак, издатель - директор фирмы «Автоплюс» Яков Гринемаер).

Его единственная публикация в «толстом» журнале была, увы, посмертной (13 стихотворений в литературно-художественном и краеведческом журнале «Барнаул», № 4, 2004 г.).